

УДК 821.161.1

82-1

DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-1-36-46

ЛИРИКА «ВНУТРЕННЕГО ГОЛОСА» В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

В.А. Мескин, Е.С. Зинурова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, г. Москва, Россия, 117198

Анализируя российскую поэзию последних лет, авторы отмечают ее существенную подвижность в сфере поэтики, жанровую нестабильность; просматриваются новые тенденции в обращении к звуковой аранжировке; очевидны изменения в известных лексических и семантических рядах. Значительное место в статье уделяется гипотезе о происходящей монологизации лирики — редукции разговорного стиля, ошутимом переходе лирики на невербальный уровень. Отсюда, в частности, делается вывод о происходящей смене авторского самосознания в современной поэзии и, соответственно, задач, которые традиционно ставили перед собой поэты. Рассуждения и выводы авторов основываются на критических исследованиях последних лет, на обращении к творчеству известных и малоизвестных современных поэтов.

Ключевые слова: современная поэзия, русская литература, жанр, поэтика, лирика, пост-модернизм

Дать более или менее однозначную оценку современной российской поэзии непросто уже ввиду ее исключительной многоликости. Не утихли еще дискуссии о достоинствах и недостатках поэзии «нулевых годов». Однозначно ответить на вопрос, подведена ли черта под этим периодом, трудно или даже невозможно. Понятие «современная поэзия» дискуссионно, условимся считать таковой поэзию последних полутора-двух десятилетий. И еще. К ней можно отнести творчество либо всех поэтов — современников, либо тех, кого принято считать новаторами. В любом случае критики и литературоведы иерархируют поэтов в силу личных пристрастий, а если и ставится «диагноз», то при опоре на разные «анамнезы» [12]. Вероятно, наиболее правильная позиция срединная...

Литературовед Е. Степанов к ведущим поэтам современности относит Я. Грантса, В. Емелина, С. Ивкина, Славу Лена, В. Прокошина. Очевидным достоинством их произведений он считает наличие в стихах прямой речи. Говоря о содержательном контексте творчества названных авторов, он указывает на жесткость, ироничность, тяготение к прозе. К положительным особенностям их лирики он относит поэтику «прямого зеркала»: «Поэты, как зеркала (штамп тут неизбежен), отражают то, что есть». Резюмируя, Степанов заключает: какая эпоха, такие и стихи [13].

Выделенную Степановым тенденцию к прозаизации отметил также и Е. Абдуллаев [1]. Действительно, эту тенденцию можно показать на многих примерах

из поэзии, скажем, А. Сен-Сенькова, Д. Воденникова, А. Цветкова. При этом говорить об окончательном смешении прозы и поэзии не приходится. Настоящее поэтическое произведение не подается пересказу, потому что сама мысль, заложенная в нем, может существовать только в той форме, которую ей придает автор. Грань между поэзией и прозой, как бы само собой, проводит сам художник слова. Не осознанно. Или осознанно, как, например, Г. Генис. Одни свои верлибры он называет рассказами, написанными в столбик, другие — стихами. Вот пример его стихотворной формы:

солнце в глаза целится
день уходит в темноту
непременного багрянца

у той женщины под ногами шуршит
не доставленное к нам
дыхание младенца

время разбрасывать себя
лишь стараясь удержать спину
чуждую как ранец панциря

все равно никогда не вынести
вселенной тяжести
израненных листьев

(По перв. стр., 2015)

Весьма красноречиво и значимо здесь, в других ниже приведенных примерах отсутствие пунктуации: какая уж пунктуация в потоке сознания.

И. Шайтанов, выражая свое отношение к современной поэзии, не раз и не два цитировал строку Д. Самойлова: «Вот и все. Смежили очи гении» (1966) [8]. При этом он утверждает, что «до пятидесяти имен нет, есть колебания стиля» [15]. Впрочем, молодым творцам этот ученый в гениальности не отказывает, но — только в потенциальной. В качестве примера «настоящих», по его мнению, поэтов XXI века он приводит А. Кушнера, И. Лиснянскую, О. Николаеву, А. Василевского, В. Салимона, В. Иванова, А. Алехина, Б. Херсонского, М. Степанову, С. Гандлевского, М. Свищева. В их творчестве он видит победу «лирического пробуждения» над маргинальной, обрывочной, чуть ли не пародийной лирикой авторов, которых публиковал в «нулевые» годы на интернет-ресурсе «Вавилон» Д. Кузьмин [15]. Кстати сказать, к поэзии молодых (тридцати-сорокалетних) последний относит-ся значительно более благожелательнее, чем к критикам — оппонентам [10].

Практически все авторы критических обзоров сходятся на том, что поэзия последних лет стала по-своему более интеллектуальной, «густой», интертекстуальной, насыщенно-многодетальной. (Следует заметить, что речь здесь может идти об установочной интеллектуальности, не той, естественной, которую демонстрировали гении XX века, признанные классики.) Критики отмечают, что авторы начали глубже уходить в самоанализ, в поэтическую рефлексию. Еще одно общее мнение: даже по сравнению с прошлым — острее проявляются пессимистичные мотивы. Если продолжать говорить о выявляемых общих тенденциях, то нужно отметить усиление роли фольклорных стилизаций. Возможно, самые яркие при-

меры можно отыскать в творчестве М. Амелина, Леты Югай. На новом уровне отмечается обращение поэтов к библейским сюжетам. Самое же существенное и новое, что наблюдается в современной поэзии — это жанровая нестабильность. На этой весьма интересной теме стоит остановиться поподробнее.

Пожалуй, у всех упомянутых в настоящем контексте критиков можно встретить мнение о том, что четкое жанровое деление, существовавшее десятилетия назад, себя исчерпало. Известно, что в более отдаленный период устойчивая составляющая формы произведения способствовала его созданию, задавала тон, добавляла смысл, но затем — стала ограничивать поэтическое течение мысли. Скажем, в XVIII веке человек, писавший оду, пользовался определенным набором слов, словосочетаний и даже образов. Постепенно эта определенность отмирала. Психология лирического героя усложнялась. Требовались новые, неожиданные обороты и приемы для иллюстрации новых для литературы оттенков чувств. «Чистым» жанр оставался только в редких случаях — все чаще его «разбавляли» слова, выражения, приемы из других жанров и, соответственно, стилей речи. Тем не менее жанр долгое время сохранял свою целостность, при наличии «примесей» оригинал был очевиден. Сегодня количество «добавок» подчас превышает «условный вес» изначальной жанровой составляющей. В одном стихотворении могут переплестись разные отголоски жанровой «памяти», стилей речи, определенные слова, образы больше не маркируют жанровую принадлежность.

Для примера обратимся к творчеству С. Гандлевского. Его стихотворение «Старый князь умирает и просит...» (2013 г.), написанное античным пентаметром, с первых слов настраивает читателя на прочтение эпического произведения. Первый стих напоминает зачин сказки, в следующих появляется лирический герой/автор, который просто, но с чувством собственного достоинства футуристически пишет — «виконты и графья». Последняя строфа вдруг кончается совсем не эпическим негодованием и иронией по отношению то ли к автору той самой фразы, то ли к самому Богу:

Старый князь умирает и просит: “Позовите Андрюшу...”

Эта фраза из раза в раз вынимает мне душу,
потому что, хотя не виконты и не графья мы,
в самых общих чертах похоже на смерть моей мамы.

Было утро как утро, солнце светило ярко.
“Позовите Сашу, Сережу, найдите Марка”, —
воскликнула в беспамятстве и умерла назавтра.
Хорошо бы спросить напрямую известного автора,

отчего на собственный мир он идет войною,
разбивает сердца, разлучает мужа с женою.
Либо что — то в виду имеет, но сказать не умеет,
либо он ситуацией в принципе не владеет.

(По перв. стр., 2013)

Жанровое деление уходит. По необходимости его функцию выполняют типы речи (повествование, описание, рассуждение), литературные приемы (поток сознания, мнимая проза, логогриф) или даже комплекс приемов (остранение, ли-

тературная маска). Жанры раздробились, объединились, смешались. Популярный в Серебряном веке жанр «фрагмент» перевоплотился во «фрагменты», ведь поток сознания, который сам уже стал подобием жанра в современной поэзии, предполагает отсутствие звеньев между образами. Вероятно, поэтому так часто творчество современных поэтов сродни пародиям, написанным на как бы «бессодержательные» стихи, скажем, А. Фета, в творчестве которого фрагментарность была одним из ведущих приемов.

Современные стихи могут полностью представлять собой пастиш или коллаж. Нередко они включают перечисление предметов, определенных мест и даже эмоций. В конце стихотворения, как правило, следует обобщение или вывод, проливающий свет на произведение в целом. Иногда автор оставляет читателя собирать головоломку в одиночестве и вывод не подсказывает. В качестве примера мозаичности современной поэзии очень иллюстративно стихотворение А.А. Сенькова «Азия. Семидесятые. Жара» (2015 г.):

там внутри по кругу летают
желтые самолетики
спят еле различимые люди
когда проснутся
их не заставят разуваться и снимать ремни
мамы разрешают незнакомцам
угощать детей куриными конфетами
а у стюардесс в глазах
синие улыбки
ночью в холодильнике
яйца
белые уютно безопасные
как аэропорты в моем детстве
на сковородке

Вообще мозаичность и фрагментарность могут проявляться по-разному. У консервативного поэта Ю. Казарина детали предметны лишь отчасти, а сама философско-метафизическая интонация наполняет междустроиче стихотворения красноречивой тишиной. Вот пример его лирики:

Камень места не находит
ни себе, ни сильным водам
и по кругу душу водит,
как траву, по огородам.

Две недели верба вяжет
зябким ангелам перчатки.
И заплачет Бог и скажет:
мы бессмертны. Всё в порядке.

И отпустит вербу с вербы,
и плывут над вербой вербы:
мы бессмертны. Мы бессмертны.
Мы бессмертны. Мы бессмертны
(По перв. стр., 2014)

С течением лет лирика становится все более суггестивной, повышается градус концептуализации. Теперь «мосты» от строки к строке стали делом и читателя. Теперь он — творец на ряду с автором. Новая фрагментарность в произведении проявляется как серия как бы «вырванных из контекста» отрывков, без начала и конца. В. Козлов подчеркивает в них «мгновенность переживания, взгляда, ситуации — ведь мгновение есть минимальный фрагмент времени; с другой — установка, направленная на поэтический поиск образов мироустройства, мироздания в целом» [7].

Как будто смонтированные стихи, где чередуются разные планы — крупные / дальние (они же — фрагменты) стали частью так называемого поэтического нон — фикшина и встречаются практически у всех поэтов, в частности у А. Сен-Сенькова, Н. Звягинцева, Е. Баянгуловой, Н. Азаровой, Е. Извариной, К. Корчагина, А. Цветкова, Г. Гениса, В. Савина, В. Гандельсмана. Высокую скорость смены деталей и фактов в произведениях Кати Капович, одной из последних постакмеистов, отмечает Л. Костюков [9]. Кстати, ее стихотворение, названное по первой строчке, «В семь пятнадцать...» (2014 г.), вошло в десятку лучших стихотворений 2014 года, по мнению поэта и главного редактора издательства «Воймега» А. Пореверзина. Вот это стихотворение:

В семь пятнадцать рассвет так похож на закат,
мокрый снег полосой струится в окно,
застучит из тумана дружок — автомат —
автомат для газет медью сыпет на дно.
На рассвете, где бешено мечется снег,
это очень несложно, мой друг, проглядеть,
проглядев, не заметить, понять, умерев,
что в сырые газеты завернута смерть...

Авторы своеобразного учебника «Поэзия» (2016 г.) утверждают, что жанровая система перестала существовать в прежнем виде уже на рубеже XVIII — XIX веков. По их мнению, поэты лишь тяготеют к некоторым ориентирам. Эти ориентиры авторы книги предлагают называть «форматами». По их представлению, новый термин отличается от «жанра» тем, что в нем поэт как бы сам устанавливает рамки и ограничения, которым готов соответствовать [11]. Мысль не нова. Как минимум то, что поэты — «певцы своей узды», еще в 1974 году писал Ю. Кузнецов. Впрочем, авторы «Поэзии», как и те, о ком они пишут, и сами понимают, как губительна словесная анархия, в какие дебри графомании может завести отсутствие внешних рамок.

Можно предположить, что, эквилибрируя с планом формы, поэт подчеркивает значение плана содержания. Превыше всего ставится цель — передать смысл, рассказать историю, заставить читателя сочувствовать и со — мыслить. В XXI веке поэт как никогда желает показать «в разрезе» не только действительность, но и собственную мысль. В эпоху, когда постмодернистские философы убедили многих современников, что мир — текст постичь невозможно, а человека и подавно, попытка хотя бы разобраться в себе — уже экзистенциальный жест. Поэт из небожителя, пророка стал обычным человеком, — констатирует С. Чупринин, —

«вровень одноэтажной, двухэтажной застройке, а не каким — то громадам, возносящимся под облака». Критик с грустью отмечает победившую, торжествующую «поэтику частного человека». Поэзии, по его мнению, не хватает «масштаба большого миропонимания» (читай, утраченного), все упирается в мировоззрение одного маленького, рядового смертного [14]. Именно от лица такого «частного человека» говорит лирический герой стихотворения Е. Витковского:

...Я — только звено, только спичка на горьком ветру.
Пока не велят — поживу, ничего, не помру.

Пока не зовут — поучу их неведомо чему.
Хоть малую искорку брошу в кромешную тьму.

А справа враги, а и слева, и прямо — враги.
Уж, Господи, хочешь, не хочешь, а мне помоги!

Легка Твоя ноша, и вечна моя похвала —
Но, Господи, я ведь не знаю ни дня, ни числа!

(«А я ведь не знаю, какое сегодня число...», 2015)

В подтексте каждой критической публикации лежит вопрос: «Какова же поэтика XXI века»? Что общего у авторов всех возрастов, из разных регионов, с разными расщепами перьев? Автор содержательной книги «История Русской поэзии. 1730—1980» (1994 г.). В. Баевский приходит к выводу, что в поэзии XVIII века доминировала ораторская интонация, XIX века — напевная, XX века — говорная [3]. Отсюда логично предположение, что интонация поэзии XXI века будет отличаться еще более значительным уходом от патетики, характерной для Золотого века и мелодичности, присущей стихам XIX—XX веков. Причина тому — очевидные изменения в выборе автором звуковой аранжировки произведения, лексического и семантического рядов. Стремление к благозвучию ушло, более того, его отсутствие стало показательным: рваные ритмы отражают смятение души, отчаяние и одиночество лирического героя. Поэзия в большей степени стала набором смыслов, даже не слов, а тех невидимых «мостов» между словами. Логично предположить, что теперь интонация стремится на невербальный уровень — церебральный, «мозговой».

В наши дни поэт, устремляя свой взор не во внешний мир, а внутрь собственного Я, настойчивей чем когда-либо приглашает заглянуть туда и читателя. Отсутствие во многих стихотворных творениях современных авторов знаков препинания, заглавных букв, каких-либо цезур иллюстрирует, кроме прочего, неделимость внутреннего монолога, потока мыслей. Льющаяся авторская речь — первая ступень самоанализа, предшествующий рефлексии выброс мыслей вовне. Получается, автор как бы сам по себе, а читатель — сам по себе, он может анализировать поток этих мыслей как собственный. Таким «поток» можно назвать молитву Д. Бака. Путаная рефлексия автора дополнена междометиями, аллюзиями, вопросами. Здесь акцентируются авторские мысли, адресат как бы вне авторского учета, внимания:

Не понять своих же слов мыслей боли
ну доколе этому длиться что ли

не верить что верил в неверие во сто вер
когда римом мерил мир что твой землемер
до ре ми фа соль ля си порази
аз есмь они суть досыта ты еси
балаболка белая злодейка зима
на апрель взгромоздившаяся горем ума...
(«Траффик. Молитва», 2016)

Уже давным-давно в противовес «громкой» лирике шестидесятников появилась «тихая» лирика, за ней, часто шепотливой (хотя и не всегда, Н. Рубцов писал на «вслух»), но еще звучащей, — пришли стихи беззвучные внешне, но разборчивые на уровне внутреннего голоса. Они и впрямь не очень-то читаются на аудитории. Раньше, зная, что произведение придется декламировать со сцены, автор рассчитывал на определенный интонационный прием, на эффект, на масштаб. Сегодня поэты понимают, что их стихотворения из громкоговорителей на стадионах звучать не будут, поэтому можно или нужно писать иначе, можно открывать и сокровенное, стыдное. Можно представить происходящее и иначе: автор отчаялся докричаться до мира и — смирился, что останется не услышанным. Горше только, когда нет вообще возможности высказаться. В этом контексте понятна мысль А. Цветкова, о том, что человек всегда запрет сам у себя внутри:

... но ничего кроме имени-отчества
у человека увы
он гражданин своего одиночества
строго внутри головы
(«Контрпример», 2016)

Поэтизированный поток мыслей нередко производит впечатление искреннего, ведь в нем мысль — первая, иногда случайная, еще не оформленная в афоризм. Автор даже не пытается ее рифмовать: мало кто может мыслить стихами. Заметим, сама форма внутреннего монолога пришла из прозы, а потому так на нее похожа. Впрочем, техническая иррациональность такой поэзии необязательна. Каждый молчит о своем, а стало быть, по-своему. В ком-то невысказанность грохочет, отчего слова как будто бьются друг об друга, в ком-то внутренний голос тих. «Каждый пишет, как он дышит». Ольга Зондберг в своих стихах делится мыслями, как будто только что пришедшими в голову:

хочется
трогать руками
отдельные мысли,
составлять из них
композиции,
перекладывать
в чистые емкости,
минуя слова.
но для начала,
не откладывая,
переселиться туда,
откуда они

происходят
и куда,
сколько помню,
завлекают.

(По перв. стр., 2016)

При этом авторы сами ощущают «рыбью немоту», «молчание леса», «бесформенность слова», иначе — вынужденную невысказанность (или не выплаканность?). Безмолвность, тишина, шепот — самые часто встречаемые слова в современной лирике. Например, свердловский поэт А. Вавилов, сам описывающий свое творчество как «поэтику сюрреализма», одну из последних книг назвал «Внутри молчания» (2015 г.). В каждом стихотворении сборника эта тема так или иначе фигурирует.

Суммируя все сказанное, можно так сказать: если в XIX веке знаменитое тютчевское «Молчи, скрывайся и таи И чувства, и мечты свои... Мысль изреченная есть ложь» воспринималось не иначе как философская экзотика, то в наши дни это тютчевское высказывание стало императивом. Неизреченное, что есть в современной лирике, — отражение самой сути или изнанки человеческого сознания. И все это трагично, и это окрашивает нынешнюю поэзию в трагические тона. Немой крик — всегда более жуткий, как горе без слез — самое безнадежное. Известно, что молчание для поэта — смерть, и потому понятны метафорические высказывания Н. Азаровой — «живые пишут плохие стихи» (2007 г.) [2] или И. Ермаковой «хорошо быть мертвым поэтом» (2016 г.) [5].

Молчание, пусть и условное, болезненно. Это, думается, хорошо выразила Линор Горалик. Ее стихи стоят на грани молчания и немного крика. Она по-своему пытается оглушить своим внутренним миром, своим неизреченным:

И такое скажешь себе из собственной немоты,
что душа как выскочит, как пошатнется в веру, —
словно рядом визжат: «Изыди!» — а ты
мечешься, не находишь двери.

И от ужаса все встает в положенные пазы,
но молчит от боли.

Так ребенок падает под образа,
потому что толкнули.

(По перв. стр., 2007)

Подводя итоги, можно сказать, что если для поэтов XIX века выразить невыразимое не казалось чем-то невыполнимым, то художники слова XXI века смотрят на проблему двояко. С одной стороны, передать свои мысли бумаге, нигде не сфальшивив, кажется им делом невозможным. Но «внимать пенью таинственно-волшебных дум» и молчать поэт не может по определению. Поэтому наши стихотворцы, часто сами себе противореча, мечутся между смирением с безмолвием и — попытками его прервать. Стенография мысленного процесса кажется им выходом из нерешаемого уравнения, поэтому стихотворения, формально и содержательно выдержанные в поэтике внутреннего монолога так актуальны для поэтов — наших современников. Это дает основания говорить о тенденции пере-

хода разговорной лирики в так называемую неразговорную. Или как минимум о периферийном этапе этого перехода.

Приходится повторить, современная поэзия корпускулярная более, чем когда-либо, и бесспорной классификации не поддается. Более бесспорен и доказуем указанный «распад корпоративных связей между поэтическими сообществами» [4]. Критики надеются, что «туман со временем рассеется», но пока мало оснований в это верить. И еще грустное замечание: судя по всему, количеству публикуемых в журналах, антологиях, в Интернете авторов, интерес к сочинительству превышает спрос. При таком огромном материале, с каждым днем все возрастающим, трудно рассчитывать даже на время, которое все расставляет на места. Неминуемо многие таланты критиками и коллегами — поэтами будут упущены, впрочем, как было во все времена. Но надо верить, что чьи-то имена в историю обязательно вписываются и впишутся несмываемыми чернилами.

© Мескин В.А., Зинурова Е.С., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Абдуллаев Е.* Десятилетие поэзии — или прозы? // Вопросы литературы. 2013. № 2. С. 216—241.
- [2] *Азарова Н.* Соло равенства / Предисловие Вл. Новикова. М.: Новое литературное обозрение, Серия «Новая поэзия», 2011. 275 с.
- [3] *Баевский В.С.* История русской поэзии. 1730—1980. Компендиум. Изд. 2-е, исп. и доп. 1994. 304 с.
- [4] *Бак Д.* Революция в одной отдельно взятой поэзии, или Бесплотность ожиданий // Арion. 2002, № 2 [Электронный источник: <http://magazines.russ.ru/arion/2002/2/bak.html>]/
- [5] *Ермакова И.* Маятник // Новый мир. 2016. №1. С. 55—57.
- [6] *Зинурова Е.С.* Русская поэзия рубежа XX—XXI веков: векторы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 2. С. 69—77.
- [7] *Козлов В.* Жанровое мышление современной поэзии // Вопросы литературы. 2008. № 5. С. 137—159.
- [8] *Козлов В.* «Не надо держать достойную аудиторию на голодном пайке» / Разговор с Игорем Шайтановым // Prosodia. 2015. № 2. С. 153—164.
- [9] *Костюков Л.* Интонации нового века // Новый мир. 2010. № 4. С. 177—185.
- [10] *Кузьмин Д.* Вопли обывателей / Дмитрий Кузьмин о критике новейшей поэзии // Критическая масса. 2005, №3/3 — 4 [Электронный источник: <http://magazines.russ.ru/km/2005/3/ku9.html>].
- [11] *Поэзия: учебник* / Н.М. Азарова, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, В.А. Плунгян и др. М.: ОГИ, 2016. 886 с.
- [12] *Сидоров Е.* Поэзия как диагноз // Знамя. 2007. № 12. С. 174—191.
- [13] *Степанов Е.* Современная поэзия: тенденции начала XXI века // Дети Ра. 2008. № 9(47). С. 113—122.
- [14] *Чупринин С.* О лакунах в современной поэзии // Prosodia. 2015. № 2. С. 37—43.
- [15] *Шайтанов И.* И все — таки — двадцать первый // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 9—44.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 сентября 2016.

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016.

Для цитирования:

Мескин В.А., Зинурова Е.С. (2017). Лирика «внутреннего голоса» в современной российской поэзии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2017. Т. 22. № 1. С. 36—46.

Сведения об авторах:

Мескин Владимир Алексеевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: vameskin@yandex.ru

Зинурова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Контактная информация: e-mail: katya.zinurova@gmail.com

LYRICS OF “THE INNER VOICE” IN THE MODERN LITERATURE

V.A. Meskin, E.S. Zinurova

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The authors analyze the Russian modern poetry and note the substantial changes in the poetics — the genre instability, new trends of the sound arrangement, and the obvious changes in certain lexical and semantic ranks. The hypothesis of lyrics monologization occupies an important place in the article. It implies a reduction of colloquial style of speech, a tangible transition of lyrics to the nonverbal level. In particular, the authors conclude that that author's identity in the modern poetry changes, and consequently the problems, which poets set themselves, change too. The author's reasoning and conclusions are based on analytical publications of the recent years and accessing the works of famous and little — known modern poets.

Key words: modern poetry, Russian literature, genre, poetics, lyrics, postmodernism

REFERENCES

- [1] Abdullayev E. Desyatiletie poezii — ili prozy? [A decade of poetry — or prose?]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2013. № 2. P. 216—241.
- [2] Azarova N. Solo ravenstva / Predislovie V. Novikova [Equality solo / Preface of V. Novikov]. M.: *Novoe literaturnoe obozrenie [The New Literary Review]*, *Seria “Novaya poeziya” [Series “New poetry”]*, 2011. 275 p.
- [3] Baevsky V.S. Istoriya russkoy poezii. 1730—1980 [The history of Russian poetry 1730—1980]. Kompendium [Compendium]. Ed. 2 revised and updated 1994. 304 p.
- [4] Bak D. Revolutsiya v odnoy otdelno vzyatoy poezii, ili besplotnost ozhidaniy [The revolution in one particular poetry, or the unavailing expectations]. *Arion [Arion]*. 2002. № 2.
- [5] Ermakova I. Mayatnik [A pendulum]. *Novuy mir [The New world]*. 2016. № 1. P. 55—57.
- [6] Zinurova E. Russkaya poeziya rubezha XX—XXI vekov: vektory razvitiya [The Russian modern poetry XX—XXI century: vectors of development]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie i*

- zhurnalistika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russian series Studies in literature. Journalism]*. 2016. № 2. P. 69—77.
- [7] Kozlov V. Zhanrovoe myshlenie sovremennoy poezii [Genre intellection in the modern poetry]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2008. № 5. P. 137—159.
- [8] Kozlov V. «Ne nado derzhat dostoynyuyu auditoriyu na holodnom payke». Razgovor s Igorem Shaytanovym [Don't keep a decent audience on a starvation diet. Conversation with Igor Shaitanov]. *Prosodia*. 2015. № 2. P. 153—164.
- [9] Kostjukov L. Intonacii novogo veka [The intonation of the new century]. *Novuy mir [The New world]*. 2010. № 4. P. 177—185.
- [10] Kuzmin D. Vopli obyvateley / Dmitriy Kuzmin o kritike noveyshey poezii [Screams of philistines / Dmitry Kuzmin about the modern poetry criticism]. *Kriticheskaya massa [Critical mass]*. 2005. № 3/3 — 4.
- [11] Poeziya. Uchebnik [Poetry. Textbook]. N.M. Azarova, K.M. Korchagin, D.V. Kuzmin, V.A. Plungian etc. M.: OGI, 2016. 886 p.
- [12] Sidorov E. Poeziya kak diaгноз [Poetry as diagnosis]. *Znamya [Banner]*. 2007. № 12. P. 174—191.
- [13] Stepanov E. Sovremennaya poeziya: tendentsii nachala XXI veka [The modern poetry: Trends at the beginning of the XXI century]. *Deti Ra [Children of Ra]*. 2008. № 9(47). P. 113—122.
- [14] Chuprinin S. O lacunah v sovremennoy poezii [On gaps in the modern poetry]. *Prosodia*. 2015. № 2. P. 37—43.
- [15] Shaytanov I. I vse — taki dvadchat pervyy [And after all the twenty — first]. *Voprosy literatury [Literature questions]*. 2011. № 4. P. 9—44.

Article history:

Received: 23 May 2016.

Revised: 14 June 2016.

Accepted: 28 June 2016.

For citation:

Meskin V.A., Zinurova E.S. (2017). Lyrics of “The inner voice” in the modern literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2017, 22 (1), 36—46.

Bio Note:

Meskin Vladimir Alekseevich, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR

Contacts: e-mail: vameskin@yandex.ru

Zinurova Ekaterina Alexandrovna, Phd student, Department of Russian and Foreign literature, Philological faculty, PFUR

Contact: e-mail: katya.zinurova@gmail.com